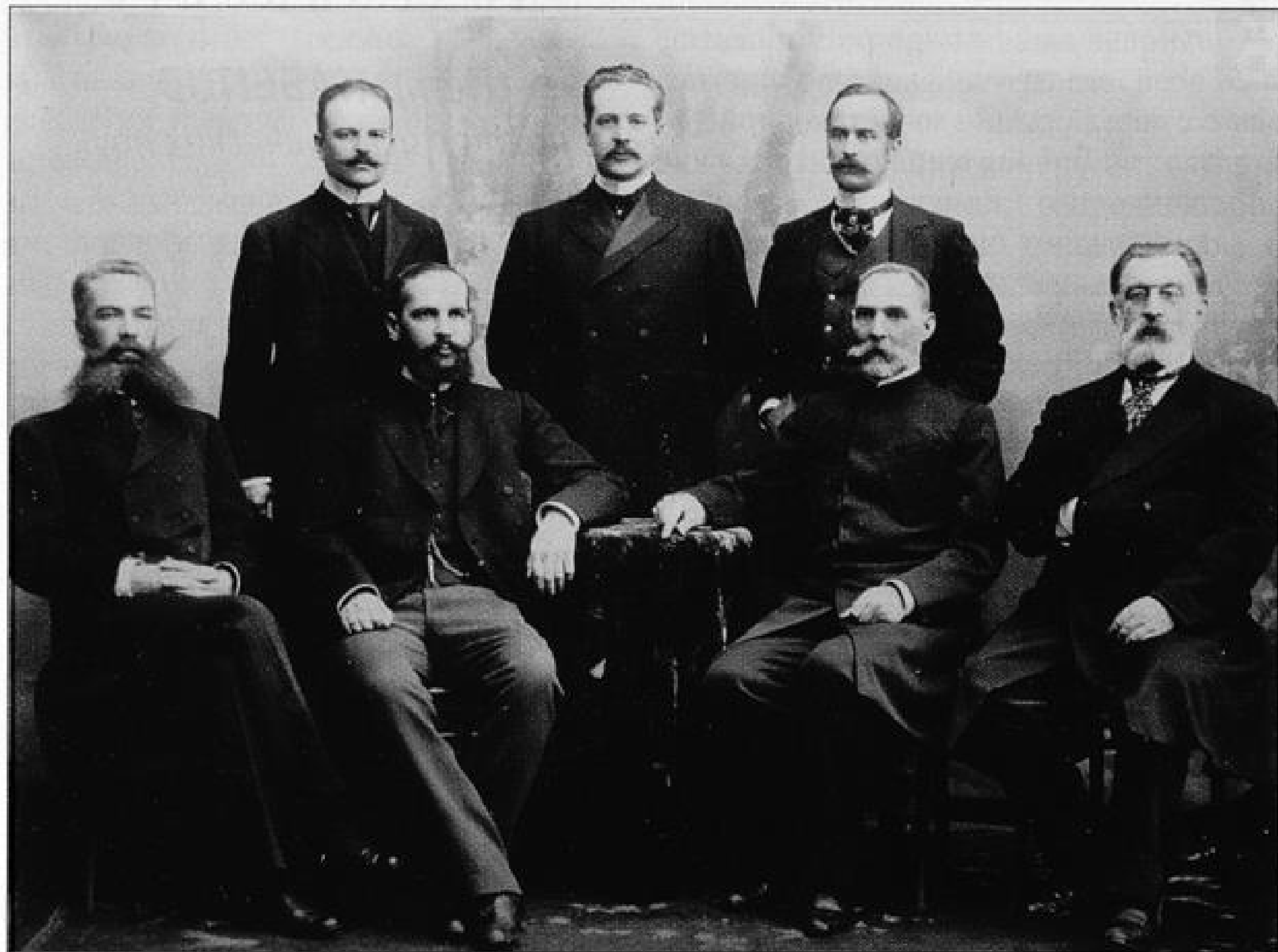

Столыпин получил в наследство обременённые владения: часть имений прежними владельцами была заложена в Государственном Дворянском банке. И когда во время летучей инспекции в имении Акшино в 1899 году мордва предложила выкупить у Столыпина имение при селе Еникеевка, Столыпин установил максимальную цену за землю — 50 тысяч рублей, мотивировав это тем, что «это дало бы нам возможность выкупить все наши имения из банка»⁷.

Зачастую низкая доходность имений, их обременённость побуждали Столыпина ликвидировать имения. В июне 1902-го он продал имение при селе Балтат крестьянам, решившим создать на купленных землях хутора. Правда, мотивировал Столыпин продажу имения желанием «никогда уже не ездить в эту даль»⁸. Зырянов отмечает, что имение было продано в 1901–1902 годах за 112,5 тысячи рублей⁹. Изучение личного архива Столыпина позволило установить точную дату продажи имения.

Из-за низкой доходности и из-за того, что имение Крюково в Московском уезде находилось без постоянного присмотра и контроля, 24 июня 1902 года Столыпин продал его за 30 тысяч рублей жителям Москвы С. П. Фармаковскому и М. Д. Сокольницкому¹⁰. А в 1907 году Столыпины при содействии Крестьянского поземельного банка продали отдельный участок — «Ерыклинские отрезки» (в 230 десятин 730 сажень земли) Барско-Чулпановскому товариществу¹¹.

В силу того что Пётр Аркадьевич исполнял обязанности уездного, а затем губернского предводителя дворянства, а также по причине значительной удалённости других имений он управлял поместьями по старой, испытанной схеме: всё внимание сосредоточил на землях в Ковенской губернии, а в другие имения нанял управляющих или сдавал землю в аренду местным крестьянам. Но это не означало, что имения оставались без надзора хозяина, хотя бы «летучего» характера. Из-за своей занятости Пётр Аркадьевич мог отправляться в «инспекционные командировки» лишь во время отпуска — летом или осенью. Но Столыпину очень многое давали эти поездки. Он увидел воочию, что Россия богата и народами её населяющими, и различными формами земледельческих хозяйств, смог определить те из них, которые ускоряли модернизационные процессы в стране. Так, во время поездок в имение на границе с Пруссией он, по свидетельству Марии Бок, восхищался устройством немецких хуторов и с интересом изучал всё то, что «счи-

П. А. Столыпин в Ковно с уездными предводителями дворянства Ковенской губернии. 1901 г.

тал возможным привить у нас»¹². Так же высоко оценивал жизнь колонистов Саренты. «Мне жаль, — писал он жене во время командировки в Царицынский уезд, — что я не могу Тебе и детям показать Саренту. Это уголок старинной Вестфалии, целиком перенесённый в наши степи. Деревушка из каменных домиков вся мощённая, с водопроводами, вся в садах, в виноградниках. Волостной старшина, писарь, волостные судьи европейски образованы. Порядок — не к чему придраться. Вместе с тем корректность полная, всё по-русски»¹³.

Интерес к хуторскому хозяйству был не случайным для будущего премьер-реформатора. Он хорошо знал о научных изысканиях своего дяди Дмитрия Аркадьевича, последователя позитивиста Огюста Конта, который предпринял конкретные шаги для создания в своём имении хуторов. На посту губернского предводителя дворянства Столыпин пропагандировал среди крестьян идею перехода от общинного землевладения к хуторскому.

Другие формы хозяйствования были в центральных великорусских губерниях и в лесных и лесостепных уездах поволжских губерний, где остро сказывалось малоземелье. А большая часть крестьянских хозяйств продолжала воссоздавать традиционные формы земледельческого производства.

В нашем распоряжении имеются письма Столыпина к жене. В них детально описывается его поездка в августе

1899 года, в ходе которой он вместе с братом жены, Алексеем Борисовичем Нейдгардтом, прибыл в родовое имение Нейдгардтов, половина которого принадлежала Ольге Борисовне, а вторая половина — Анне Борисовне: они получили свои доли наследства после смерти отца в 1899 году. Столыпин должен был вступить в наследование имением, установить границы имения жены, разделить между сёстрами доходы и движимое имущество и найти место для строительства хозяйственных построек на вновь создаваемом хуторе. Как видно, круг хозяйственных забот Столыпина был обширен.

По мнению Петра Аркадьевича, доходность имения жены могла возрасти вдвое, но лишь в случае строительства железной дороги и определённых затрат. «Мой план — увеличить луга, а именно, где лес растёт по болотам, там его вырубить и расчистить место под луг. Болотный лес всегда дрянной, а на мокром месте луг может быть хорош»¹⁴. И здесь Столыпин предстаёт перед нами как рачительный хозяин: «... лес даёт с десятины в год меньше 75 коп. в общем, а луга по 5 рублей с десятины. Расчёт простой. Кроме того, Алёша (Нейдгардт. — П. К.) советует брать лыко в лесу и я думаю, что это тоже даст хороший доход»¹⁵. Встречался Столыпин и с крестьянами сёл Чулпановка и Куклино. Крестьяне-старички просили продать им отрезки, но продавать землю он отказался и угостил их водкой.

Иная ситуация сложилась в имении Столыпина в Пензенской губернии, куда он выехал 26 августа 1899 года. Име-